

УДК 81'27
ББК 81.055-006

В.А. Береснева

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СИНКРЕТИЗМ
КАК РАЗВИТИЕ
ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ ЭВОЛЮЦИИ
И СИСТЕМО-
СТРУКТУРНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА**

На материале временных форм немецкого языка впервые в языковедении представлено категориальное описание феномена языкового синкретизма, называемого автором лингвистическим синкретизмом. Приложение известного гносеологического приема к интерпретации языковых фактов позволило вписать языковой синкретизм в общую теорию единства мира и охарактеризовать его как ингерентное явление лингвомыслительной деятельности человека. Исследование вносит определенный вклад в развитие теории синкретизма, а также указанных в названии статьи общелингвистических идей в направлении углубленного изучения и осмысления отношений, взаимодействия элементов системы и результатов их взаимодействия.

Ключевые слова: лингвистический синкретизм, эволюция, система, структура, единство мира.

DOI: 10.18522/1995-0640-2017-1-44-51

Береснева Виктория Алексеевна – докт. филол. наук, профессор, доцент кафедры романо-германской филологии Института гуманитарных и социальных наук факультета лингвистики Вятского государственного университета
Тел.: +7-912-736-64-99
E-mail: novofamily@rambler.ru

© Береснева В.А., 2017.

Одним из основных отличительных признаков научного познания является, как известно, нацеленность познающего субъекта на получение нового знания. Важную направляющую роль в постановке задач эмпирического и теоретического поиска играет научная картина мира. Научная картина мира выступает обязательным составляющим блоком оснований научного знания и в этом статусе принимает участие в образовании его структуры. Процесс формирования и развития новых представлений требует, однако, помимо постулатов картины мира, привлечения еще и такого блока оснований науки, как философские идеи и принципы. Философские основания науки наряду с функцией обоснования уже добытых знаний выполняют также эвристическую функцию и активно участвуют в построении новых теорий. Вышесказанное вполне применимо к разрабатываемой нами теории лингвистического синкретизма, и дальнейшее повествование должно подтвердить это.

Структура научного знания о лингвистическом синкретизме как сущностном единстве языкового знака и его сигнификативных функций неперменным образом включает в себя составляющие языковой научной картины мира, соответствующие представлениям о языке как системе и структуре и о языковом развитии. Системно-структурные и эволюционные свойства языка имеют в лингвистике давнюю традицию их изучения. Достаточно вспомнить, что идею исторического развития языков в языковедении привнес

древнеиндийский языковед Вараручи Катьяяна (III в. до н. э.) [Березин, с. 6], а понимание языка как системы, элементы которой связаны друг с другом отношениями, содержится уже у датского лингвиста Расмуса Раска (1787–1832) [Томсен, с. 56] (см. об этом подробнее: [Береснева, 2011, с. 137–141]). Содержательные представления о языке как системе и структуре и о языковом развитии прочно укоренились в нашей культуре и во многом определяют стратегию научного поиска.

Наше практическое знакомство с темой синкретизма началось с того момента, когда, изучая в опоре на вышеназванные общелингвистические постулаты грамматическую категорию времени в современном немецком языке, мы выявили факт противоречивого сопряжения сигнификативных функций в рамках единой грамматической формы. Обнаруженное нами явление мы вслед за А.Т. Кукушкиной [Кукушкина], В.И. Кураковым [Кураков], А.А. Сребрянской [Сребрянская] обозначили термином «синкретизм» [Береснева, 1999], разделяя основные синкретологические воззрения исследователей: синкретизм есть совмещение двух и более функций одним языковым знаком, он представляет собой особый способ языковой номинации, своеобразный тип формально-содержательной связи в языке.

Уже тогда нами были сделаны важные наблюдения. Среди них – следующие. Языковой синкретизм носит парадигматический характер, на синтагматическом уровне происходит так называемое разрешение, устранение синкретизма. Употребление языковой формы в областях, традиционных для других форм парадигмы, не означает, что данная форма просто-напросто дублирует функции других форм. Различные формы служат для обозначения различных концептов. Появилось убеждение, что истоки языкового синкретизма, которые бы могли прояснить его сущность, следует искать в синкретизме существующей реальности и нашем синкретичном ее восприятии.

Воссоздание целостной картины онтологического и логического синкретизма, равно как и механизма языкового синкретизма, требовало разработки особого научно-методологического аппарата исследования. Возникла мысль о том, чтобы на хорошо знакомом нам материале временных форм немецкого языка произвести категориальное описание интересующего нас языкового феномена. Вследствие приложения этого известного гносеологического приема к интерпретации языковых фактов удалось вписать языковой синкретизм в общую теорию единства мира и охарактеризовать его как ингерентное явление лингвомыслительной деятельности человека.

Изложим кратко методику и основные результаты проведенного нами категориального анализа (подробное изложение представлено в: [Береснева, 2011]).

Поскольку язык есть форма воплощения бытия духовного, проблема синкретизма в языке рассматривается нами в непосредственной связи с вопросами сознания и мышления человека. Мы попытались осмыслить, научно изучить синкретизм, синкретичность как лингвомысл-

лительную категорию, *раскрыть смысл* категории лингвистического синкретизма как языкового явления и *сформировать* опорные составляющие лингвистического синкретизма как исследовательской категории. (Нами используется традиционный гносеологический прием обозначения одним термином онтологического феномена и способа его изучения, ср., напр., *грамматика* как формальный строй языка и *грамматика* как наука об этом строе.)

Может показаться, что выражения «раскрыть смысл категории лингвистического синкретизма как языкового явления» (следовательно, данная категория уже есть, и мы лишь должны постичь ее суть) и «сформировать опорные составляющие лингвистического синкретизма как исследовательской категории» (значит, этой категории еще нет) противоречат друг другу. В действительности это не так, по крайней мере между этими двумя выражениями нет непреодолимого расхождения: формирование исследовательской категории лингвистического синкретизма предполагает наличие категории синкретизма в языке, а присутствие категории синкретизма в языке при определенных условиях может привести к формированию категории лингвистического синкретизма как исследовательской категории. Поясним сказанное.

Введенный нами термин «лингвистический синкретизм» – исходя из неразрывной связи между бытием и знанием – понимается нами в двух значениях. Во-первых, – как *синкретизм языковых форм*. Категория лингвистического синкретизма на уровне языкового явления есть, если процитировать Х.-Г. Гадамера, «предистолкованность» (цит. по: [Бибихин, с. 87]) соответствующей стороны объективной реальности. Чтобы достичь не предварительного, а настоящего истолкования мира, необходимо, как говорит В.В. Бибихин в опоре на данное М. Хайдеггером определение языка как «разбиения мира», «разбить», т. е. истолковать сам язык, что предполагает обязательное участие человека [Там же, с. 88–90]. Именно вследствие *лингвистического истолкования феномена синкретизма*, представляющего второе значение термина «лингвистический синкретизм», мы приходим к выяснению истоков, природы, логики существования и развития исследуемого явления, а указанное двойственное отношение к лингвистическому синкретизму, интерпретация лингвистического синкретизма как двуединой языковедческой категории, приводит нас в конечном счете к характеристике лингвистического синкретизма как *воплощения и рефлексии единства мира*.

Самое активное участие в формировании категории синкретизма в языке как объективации работы мышления принимают естественным образом философия и психология. Именно благодаря философии и психологии мы получаем сведения о внутреннем единстве бытия как источнике языкового синкретизма, о структурности и движении как всеобщих онтологических свойствах, проясняющих сущность лингвистической категории синкретизма, об ассоциации и апперцепции как фундаментальных психологических закономерностях, приводящих в действие механизм порождения внутреннего единства мира сознания,

о превращенных формах как синкретическом результате внутреннего единства образующих элементов органического целого в условиях вторичного восприятия, об общем законе развития как онтологическом основании для различения двух этапов синкретизма.

Предлагаемое нами научно-лингвистическое понимание синкретизма, учитывающее общие категории и закономерности бытия, опирающееся на общелингвистические идеи о языке как системе и структуре и о языковом развитии, позволяет по-новому взглянуть на проблему языкового соединения (именно пометой «от греч. *synkrētismós* – соединение, объединение» часто предваряется объяснение в словарях термина «синкретизм», ср., напр.: [Бабайцева, с. 446; Кондаков, с. 473; Новый энциклопедический словарь, с. 1110; Психология. Словарь, с. 363; Словарь иностранных слов, с. 456; Толковый словарь русского языка, с. 187; Философский энциклопедический словарь, с. 414]).

В свете лингвистической категории синкретизма феномен языкового единства предстает как обусловленное онтологическим синкретизмом парадигматическое совмещение двух и более сигнификативных функций одним языковым знаком. Такое понимание языкового синкретизма обнаруживает особый статус рассматриваемого феномена, отличный от лингвистического статуса явлений нейтрализации, контаминации, игры слов, омонимии и полисемии.

Синкретизм в языке как саморазвивающейся системе, как «живом организме» [Соловьев, с. 141] претерпевает в соответствии с «общим законом всякого развития» [Там же, с. 145] в своем развитии две стадии: мы говорим о первоначальном синкретизме, внешнем единстве содержательных элементов, и внутреннем единстве содержательных элементов, синкретизме как свободном синтезе.

Например, когда в древневерхненемецком языке для обозначения будущего времени использовался презенс (ср., напр.: [Жирмунский, с. 293; Москальская, с. 113]), речь шла не о сознательном поиске и обнаружении аналогии между восприятиями настоящего и будущего времени, а именно о нерасчлененности в восприятии временных предметов, о выражении своеобразного «настоящего-будущего» [Жирмунский, с. 293]. Форма настоящего времени, еще не определившегося в своем временном значении, могла употребляться также в смысле будущего, сравним из древневерхненемецкого текста «Муспилли»: *mano vallit, prinnit mittilagart* («месяц упадет, сгорит срединная земля») (пример из: [Там же]).

Грамматическая функция морфемы «презенс» в современном немецком языке заключается в выражении качества «настоящее относительно актуального момента». Но хорошо известно также употребление презенса и в сфере прошлого и будущего, который в этом случае функционирует на временном уровне претеритальных и футуральных временных форм соответственно.

Простого дублирования одной и той же функции двумя различными формами при этом не происходит, поскольку различные грамматические формы служат для обозначения различных форм, цитируя далее ос-

нователя феноменологии Э. Гуссерля, «переживаний времени», в которых «полагаются „объективно темпоральные“ данные» [Гуссерль, с. 12]. Прошлое, к примеру, всегда относится к сфере нашего воспоминания, но воспоминание может осуществляться в разных формах. При помощи претерита мы можем обозначить лишь так называемое воспоминание «в простом подхватывании, когда воспоминание „всплывает“, и мы направляем на вспомненное некоторый луч взгляда, при этом вспомненное смутно <...> и не есть повторяющее воспоминание» [Там же, с. 40]. Но благодаря ассоциациям как закономерной связи идей и апперцепционным процессам мы также можем осуществлять и «действительно вос-производящее, повторяющее воспоминание, в котором временной предмет снова полностью выстраивается в континууме воспроизведений, мы его как бы снова воспринимаем» [Там же]. Выражение такого «прошедшего, но как будто настоящего» находится вне компетенции претерита. Презенс же вследствие своей внутренней формы, которая может быть обозначена как «воспринимаемое», способен обозначить действительно вос-производящее, повторяющее воспоминание, ср.: *Auf dieser Balustrade also setzt Charlotte Menzel in einer warmen Juninacht des Jahres 1925 ihren, gelinde gesagt, angeterten Tischherrn ab...* (Christa Wolf. «Kindheitsmuster»). (*На эту вот балюстраду Шарлотта Менцель теплой июньской ночью 1925 года усаживает своего, мягко говоря, захмелевшего кавалера...* (Криста Вольф. «Образы детства»)).

В этом случае соответствующее событие «псевдоактуализируется», осуществляется его «образное» – но не действительное! – восприятие. Внутреннее свободное единство концептов «настоящее относительно актуального момента» и «прошедшее относительно актуального момента» реализуется как «превращенное» (см.: [Мамардашвили, с. 270]) образование, концепт «псевдоактуализированное прошлое», которому свойственна синкретичность, проистекающая из синкретичности восприятия нами объективной реальности.

При вос-производящем воспоминании происходит выход за пределы наличной информации и ее интерпретация в терминах внутреннего опыта. Функция презенса по выражению настоящего воплощает первичную объективную информацию. Функция выражения презенсом прошлого (равно как и будущего) обнаруживает интерпретацию вторичной информации, опосредованной первичной информацией, концептуальный троп, и выступает в качестве языкового тропа, коннотации.

Преобразованные образования как качественно цельные явления сливаются со свойствами их материального носителя (в нашем случае – со свойствами презенса). В результате восполнения концепта «настоящее относительно актуального момента» со стороны концептов «прошедшее относительно момента актуального» и «футуральность, будущность» происходит нейтрализация различных темпоральных дифференциальных признаков в рамках единой грамматической категориальной формы презенса. Нейтрализация же на уровне временной формы приводит, в свою очередь, к объединению в системе языка в общее нерасчлененное

целое сигнификативных функций данной временной формы, т. е. к ее парадигматическому синкретизму. Совмещение презенсом в его парадигматическом содержании нескольких сигнификативных функций в современном немецком языке представляет собой второй этап развития синкретизма на уровне данной временной формы.

Постижение сути лингвистической категории синкретизма привело нас к осознанию того, что лингвистический синкретизм представляет собой одно из проявлений единства мира. Подобно тому как природа и общество, человек и все созданное им, включая его мысли и идеи, наличествуют не только в их различиях, но и в рамках совокупного существования мира, так и язык как форма воплощения бытия идеального пребывает в различии и единстве его основных целостностей. Как присутствие всего, что есть, было и будет в мире, есть обнаружение универсальной целостности мира, так и различные сигнификативные функции языкового знака – это выражение его неразрывного единства.

Единство мира, учение о котором, будучи неразрывно связанным с мыслью о противоречивости, антиномичности последнего, уходит своими историческими корнями в далекое прошлое и связывается с именами Гераклита, Платона, Николая Кузанского, Гегеля, Фихте, Шеллинга, Ренувье и др. (см.: [Флоренский, с. 154–157]), есть с точки зрения современной науки неотъемлемая характеристика бытия мира. На примере лингвистического синкретизма мы сами смогли в этом убедиться.

Мы надеемся, что своим исследованием вносим определенный вклад в развитие теории синкретизма, но также и указанных в названии статьи общелингвистических идей в направлении углубленного изучения и осмысления отношений, взаимодействия элементов системы и результатов их взаимодействия.

Литература

- Бабайцева В.В.* Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М., 1975. 304 с.
- Береснева В.А.* Синкретизм временных форм в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1999. 203 с.
- Береснева В.А.* Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология / отв. ред. В.А. Татаринев. Киров, 2011. 246 с. (Реферат: Клименко О.К. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2012. № 3. С. 37–44.)
- Бибихин В.В.* Язык философии. М., 1993. 416 с.
- Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени: пер. с нем. / сост., вступ. ст., пер. В.И. Молчанова. М., 1994. 192 с.
- Жирмунский В.М.* История немецкого языка. М., 1965. 408 с.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь / отв. ред. Д.П. Горский. М., 1971. 656 с.
- Кукушкина А.Т.* Синкретизм как основной способ экономии языковых средств // Тез докл. междунар. конф. Н. Новгород, 1999. С. 22–23.
- Кураков В.И.* Явление синкретизма в морфологии современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 1976. 38 с.

- Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1992. 415 с.
- Москальская О.И. История немецкого языка. М., 1977. 278 с.
- Новый энциклопедический словарь. М., 2000. 1456 с.: ил.
- Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. 494 с.
- Словарь иностранных слов. М., 1986. 608 с.
- Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гульги, А.Ф. Лосева; прим. С.Л. Кравца и др. М., 1990. (Филос. наследие. Т. 111). С. 139–288.
- Сребрянская А.А. О синкретизме временного и некоторых других значений в рамках сложноподчиненного предложения // Нормы реализации. Варьирование языковых средств: республиканский сб. Вып. 4. Горький, 1978. С. 136–147.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1940. 1500 с.
- Томсен В. История языковедения до конца XIX века. Краткий обзор основных моментов: пер. с нем. / отв. ред. Н.С. Чемоданов; обраб. и послесл. Р.И. Шор. М., 2004. 160 с.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1997. 576 с.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914. 814 с.

References

- Babaitseva V.V. Sinkretizm. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. М., 1990. (In Russ.).
- Berezin F.M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii*. М., 1975. 304 p. (In Russ.).
- Beresneva V.A. *Sinkretizm vremennykh form v sovremennom nemetskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk*. Nizhnii Novgorod, 1999. 203 p. (In Russ.).
- Beresneva V.A. *Lingvisticheskii sinkretizm: ontologiya i gnoseologiya*. Отв. ред. V.A. Татарinov. Kirov, 2011. 246 p. (Referat: Klimenko O.K. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal*, 2012, № 3, pp. 37-44.) (In Russ.).
- Bibikhin V.V. *Yazyk filosofii*. М., 1993. 416 p. (In Russ.).
- Gusserl' E. *Sobranie sochinenii. T. 1. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni*: per. s nem. Sost., vstup. st., per. V.I. Molchanova. М., 1994. 192 p. (In Russ.).
- Zhirmunskii V.M. *Istoriya nemetskogo yazyka*. М., 1965. 408 p. (In Russ.).
- Kondakov N.I. *Logicheskii slovar'*. Отв. ред. D.P. Gorskii. М., 1971. 656 p. (In Russ.).
- Kukushkina A.T. Sinkretizm kak osnovnoi sposob ekonomii yazykovykh sredstv. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*. Nizhnii Novgorod, 1999, pp. 22-23.
- Kurakov V.I. *Yavlenie sinkretizma v morfologii sovremennogo nemetskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Ul'yanovsk, 1976. 38 p. (In Russ.).
- Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu*. Sost. i obshch. red. Yu.P. Senokosova. М., 1992. 415 p. (In Russ.).
- Moskal'skaya O.I. *Istoriya nemetskogo yazyka*. М., 1977. 278 p. (In Russ.).
- Novyi entsiklopedicheskii slovar'*. М., 2000. 1456 p.: il. (In Russ.).
- Psikhologiya. Slovar'*. Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. М., 1990. 494 p. (In Russ.).
- Slovar' inostrannykh slov*. М., 1986. 608 p. (In Russ.).

Solov'ev V.S. *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya*. Solov'ev V.S. Sochineniya: v 2 t. T. 2. Obshch. red. i sost. A.V. Gulygi, A.F. Loseva; prim. S.L. Kravtza i dr. M., 1990. (Filos. nasledie. T. 111), pp. 139-288. (In Russ.).

Srebryanskaya A.A. O sinkretizme vremennogo i nekotorykh drugikh znachenii v ramkakh slozhnopodchinennogo predlozheniya. *Normy realizatsii. Var'irovanie yazykovykh sredstv*: respublikanskii sb. Vyp. 4. Gor'kii, 1978, pp. 136-147. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4. Pod red. D.N. Ushakova. M., 1940. 1500 p.

Tomsen V. *Istoriya yazykovedeniya do kontsa XIX veka. Kratkii obzor osnovnykh momentov*: per. s nem. Otv. red. N.S. Chemoanov; obrab. i poslesl. R.I. Shor. M., 2004. 160 p. (In Russ.).

Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. M., 1997. 576 p. (In Russ.).

Florenskii P.A. *Stolp i utverzhdienie istiny: Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh*. M., 1914. 814 p. (In Russ.).

Viktoria A. Beresneva (Kirov, Russian Federation)

Linguistic Syncretism as the Development of Common Linguistic Ideas of Evolution and Systematic and Structural Language Organization

The article presents categorical description of the phenomenon of language syncretism, called by the author as linguistic syncretism on the material of time forms in the German language for the first time in linguistics. Application of the famous epistemological admission to the interpretation of linguistic facts allowed to implement the linguistic syncretism in the general theory of the unity of the world and describe it as a phenomenon of integrative linguathinking human activity. The term «linguistic syncretism», based on the close connection between being and knowledge, is interpreted by the author in two ways: as a syncretism of language forms and a linguistic interpretation of the phenomenon of syncretism. Interpretation of linguistic syncretism as a dual linguistic category led ultimately to the characterization of linguistic syncretism as the embodiment and reflection of the world unity. It is given the methodology and the main results of the categorical analysis of the problem of linguistic syncretism.

Due to the categorical scientific and linguistic research syncretism involving data philosophy and psychology about the patterns of being and thinking was able to recreate a complete picture of the ontological and logical syncretism as well as the mechanism of linguistic syncretism, reveal the inner logic of formation and development of the phenomenon of syncretism. The study contributes to the development of the theory of syncretism, as well as specified in the title of the article as general linguistic ideas in the direction of the in-depth study and understanding of the relationship and interaction of elements of the system and the results of their interaction.

Key words: *linguistic syncretism, evolution, system, structure, unity of the world*

Viktoria A. Beresneva – Ph.D. of philology, professor. Institute of the humanities and social sciences, faculty of linguistics, Roman and German philology dpt. Vyatsky State University Phone: +7-912-736-64-99; e-mail: novofamily@rambler.ru